

Еще одна песня Гамаюн

Художник Н. Колпакова

Ида Мартин

НАНОФАНТАСТИКА

Нежные лепестки ромашек трепещут в розовой закатной дымке. Солнце, по обыкновению задержавшись на пороге, ласково обнимает все, до чего еще может дотянуться. Поле и холмы пока что светлы, но тонкая полоска леса поодаль постепенно темнеет, и Мила начинает волноваться. Ей не хочется думать о новом дне. Достаточно ощущать, что она есть сейчас. Что именно в этот момент дышит, смотрит и любит все окружающее. Она пока не знает, удастся ли уберечь этот мир до завтра и, уж тем более, сколько ему еще осталось. Доносящийся из леса кукушкин счет кажется глупым и неуместным. В отличие от Милы, несмышленная птица наивно полагает, будто может отмерять время.

Папа всегда приходит с холма. Когда он показывается наверху, Мила видит его красную шапку колпаком и белый заплечный мешок.

Милин папа работает в городе, в ремонтной мастерской. Идти до города довольно далеко, но другой дороги больше нет. А эта лежит напрямик, и для ее поддержания не требуется много

серебристой крошки. Каждый день папа разбрасывает свежую крошку вдоль дороги, чтобы сохранять ее живой.

В других местах не осталось ничего, кроме пустоты и света. Те, кто хотел все успевать и жить вечно, научились извлекать время из пространства и забрали его себе. Им казалось, будто теперь у них так много времени, что можно сколько угодно его тратить, прожигать и терять. Однако никто не озаботился тем, чтобы сберечь накопленные запасы, и время стало пропадать. Оно очень быстро таяло, а потом утекало или испарялось. Минуты, часы и годы, непрожитые и безвозвратные, исчезали, словно их никогда и не было.

Но папа придумал, как добывать время из старых предметов. Он приносит сломанные компьютеры, телевизоры, телефоны, планшеты и разные другие устройства, в которых застряло потерянное время. И тогда они с Милой перемальвают их в жерновах ветряной мельницы, превращая в блестящую и легкую, точно пыль холодных звезд, серебристую крошку.

Каждое утро Мила обходит окрестности, развеивая крошку в тех местах, которые ей хочется сберечь. Вокруг дома, возле ручья, на поле и у подножья холма, даже вдоль леса, где по-прежнему еще обитают белки и птицы. Мила мечтает дать жизнь большему, но пока приходится экономить. Крошка слишком быстро поглощается пространством и почти совсем не хранится.

Папа всегда возвращается на закате, до того, как солнце спрячется за холм. Однако сегодня он почему-то задерживался. Мила давно оставила мысли о том, что может уйти в небытие одна. Это пугало, но не так сильно, как границы душевного города, милостиво позволяющего влачиться подле своего времени.

Она проверяет кармашек льняного фартука, надеясь отыскать хоть пару затерявшихся крупиц, но карман конечно же пуст. Все, что могло когда-либо там завалиться, уже давно просочились вовне.

И тут на вершине холма девочка замечает темный остроконечный силуэт. Папа наконец возвращается. Но он не один. Следом движется кто-то маленький и круглый. Идет, словно катится.

Они встречаются у подножья. Папа гладит дочку по голове:

— Все хорошо, дорогая. Не бойся. Это Ив.

Мила удивленно смотрит на мальчика. На нем длинный клетчатый пиджак и рваные на коленках брюки. Нетрудно догадаться, что он один из бездомных, перебивающихся в городе.

— Я нашел его возле дороги, — говорит папа, — он был за чертой. У него есть свое время. Ив сохраняет его и носит с собой.

— Запасов мне надолго не хватает. Поэтому приходится возвращаться обратно в город. — Голос у Ива звонкий и веселый.

— Запасов? — удивляется Мила. — Как ты это делаешь?

— Сейчас темно, ты все равно не разглядишь, — отвечает он уклончиво.

— Ив хранит время на бумаге, между листами, — поясняет папа. — Оказывается, это очень просто. Время отлично держится на строчках.

— Я пишу все, что происходит. То, что вижу и чувствую, о чем думаю. И время само охотно укладывается на страницы. К сожалению, в городе я вижу все время одно и то же и чувствую одно и то же. Мне страшно, что скоро писать будет не о чем. Поэтому приходится уходить. Искать новые места.

— Тоже мне проблема! — усмехается Мила. Ей становится как-то удивительно легко и приятно. — Я покажу тебе много чего нового. Ты видел когда-нибудь, как порхают бабочки? А капельки росы в паутине? Или, хочешь, я принесу тебе горсть черной свежей земли? Она теплая и пахнет жизнью.

Мила протягивает руку, и мальчик благодарно сжимает ее ладонь.

Лес, поле, холмы и мельница неспешно погружаются во тьму. Маленький мир замирает, нежась в дремотном успокоении, и только прекрасная птица Гамаюн упорно вещает о своей правоте голосом обыкновенной кукушки.

